

В издательстве «Алгоритм» вышла книга американского историка Гровера Ферра «Антисталинская подлость». Автор книги подробно разбирает «закрытый доклад» Н.С. Хрущева XX съезде КПСС и приходит к выводу, что **в своей речи Хрущев не сказал про Сталина и Берия ничего такого, что оказалось бы правдой. Публикуем отрывок из этой книги.**

Книгу Гровера Ферра, как и другие книги издательства «Алгоритм» Вы можете приобрести в [Интернет-магазине «Политкнига».](#)

Почему Хрущёв выступил с критикой Сталина?

Почему Хрущёв выступил с погромной речью против Сталина? Каковы были его истинные мотивы? Доводы, прозвучавшие из уст Хрущёва, уже нельзя принимать всерьёз. Они столь же фальшивы, как и хрущёвские «разоблачения», о чём знал, как правило, сам докладчик или не придавал тому никакого значения.

Какие-то обстоятельства подстёгивали Хрущёва, но именно их он обошёл глухим молчанием в своём выступлении на закрытом заседании XX съезда КПСС. Образно говоря, помимо хорошо известного «закрытого» выступления существовал *второй*, и по-настоящему *секретный* доклад, который так и остался произнесённым и неизвестным. Вниманию читателей предлагается очерк, цель которого состоит не в поисках ответа, а, скорее, в постановке самого вопроса в таком ракурсе. Вот почему ниже будут обсуждаться очевидные (и не очень) предположения, а также темы для будущих исторических изысканий.

Ясно: затеяв кампанию «реабилитаций» и перекладывая вину на Сталина, Хрущёв стремился упредить разоблачение собственной роли в массовых репрессиях 1930-х годов. Даже в Москве и на Украине — там, где Хрущёв стяжал заслуженную и общепризнанную репутацию «архитектора террора», — обвинения, выдвинутые против Сталина, вкуче с реабилитацией жертв необоснованных казней, и, что ещё важнее, множества уцелевших членов их семей, несомненно, могли смягчить озлобленность населения.

До недавнего времени доклад Хрущёва всеми принимался за чистую правду. Но исследование, проделанное автором, показывает, что такой подход неуместен. Этот вывод произвольно влечёт за собой множество вопросов. Например: почему Хрущёв выступил с «закрытым докладом»? Зачем ему понадобилось так много усилий (фабрикация псевдоисследований, уничтожение и сокрытие документов) и столько политических жертв — неужели всё ради какой-то речи, которая с утилитарной точки зрения соткана *сплошь* из лжи?

Один из ответов был дан Коммунистической партией Китая. Китайские коммунисты считали, что Хрущёв и его сторонники добивались радикальных изменений политического курса, каким СССР, по мнению КПК, следовал при Сталине. Здесь следует вспомнить, что ряд экономических и политических реформ хрущёвского времени воспринимался в КНР как отказ от основ марксизма-ленинизма.

В такой интерпретации есть доля истины. Причины появления подобных взглядов имели корни в самой советской действительности. Выработка политики, ныне ассоциируемой с именами Хрущёва и таких его эпигонов, как Брежнев и другие, началась сразу после смерти Сталина, но ещё задолго до захвата Хрущёвым господствующего положения в руководстве страны. Фактически же многие из указанных тенденций прослеживаются ещё с конца 1940-х — начала 1950-х годов в т.н. «позднесталинский» период.

Трудно сказать, в какой степени сам Сталин придерживался или противился такой политике. В последние годы он был всё меньше и меньше активен политически. Если взять, к примеру, его книгу «Экономические проблемы социализма в СССР» (1952) и постановления XIX съезда КПСС (1952), то иногда кажется, что ему хотелось указать на другой путь строительства коммунизма. Годы спустя Микоян расценил последние

сталинские взгляды как «невероятно левацкий загиб»¹. Тотчас после смерти Сталина «коллективное руководство» пришло к общему мнению: отказаться от упоминания, как самой книги, так и сталинских планов, постепенно освободить партию от функций государственного управления.

Вторая гипотеза состоит в том, что Хрущёв воспользовался критикой Сталина как оружием в борьбе с другими членами Президиума ЦК КПСС, особенно — с Маленковым, Молотовым и Кагановичем. Такая политическая линия связана была с известным риском: не мог же Хрущёв заранее знать, что его оппоненты не выступят с контробвинениями и не применят к нему более жёстких мер? Возможно, здесь кроется ответ на вопрос, почему ему удалось найти опору среди таких беспринципных людей, как Пospelов, сыгравших значительную роль в «расчистке» архивов от документов, раскрывающих роль Хрущёва в организации массовых репрессий.

Возможно, Хрущёв и сам понимал, что с устранением Берии он оставался единственным, кто обладал своей «программой» и политической волей для воплощения в жизнь собственных устремлений. Оглядываясь назад, можно увидеть, насколько пассивными в те годы были другие члены Президиума. По всей видимости, они всегда полагались на Сталина, уступая ему инициативу по принятию наиболее ответственных решений. Нельзя исключать, что пассивность была кажущейся, и за ней скрывалась борьба политических идей внутри советского руководства.

Историк Юрий Жуков предложил третью гипотезу. По его мнению, цель Хрущёва состояла в том, чтобы положить конец демократическим реформам, которые прочно ассоциировались с именами Сталина и его ближайших соратников по Президиуму ЦК (до 1952 года — Политбюро), прежде всего Георгия Маленкова, который пытался проводить их в жизнь некоторое время после смерти вождя. Суть преобразований сводилась к изъятию у партии несвойственных ей функций управления политикой, экономикой и культурой и передаче их избираемым на выборах Советам. «Преобразование» или «реструктуризацию» госуправления планировалось провести в рамках социалистической системы — в противоположность ничем не сдерживаемой кампании по реставрации хищнического капитализма в период горбачёвской «перестройки».

Жуков подробно описывает случаи противостояния, с одной стороны, Сталина и его сторонников, стремившихся отеснить партию от рычагов государственной власти, а с другой — остальных членов Политбюро, которые решительно выступили против реформ. В мае 1953 года, т.е. вскоре после смерти Сталина, высший орган исполнительной власти — Совет министров СССР принял постановление, которое лишало дополнительного денежного содержания, или т.н. «конвертов», крупных партийных руководителей и тем самым по уровню реальных зарплат ставило их на порядок-два ниже, чем служащих госаппарата того же ранга. Жуков отмечает, что именно Маленков выступал за необходимость такого постановления. По духу оно соответствовало идее отстранения партии от управления государством, его хозяйством и культурой и передачи всех властных полномочий правительственным органам. Примечательно, что постановление обрело законную силу незадолго до противоправных карательных мер, обрушившихся на Берия — одного из тех, кто, как мы знаем, поддерживал реформы.

В конце июня 1953 года Берия подвергся неожиданному аресту и заточению в тюремную камеру или, по другой версии, — цинично был расстрелян прямо на месте. А уже в августе Хрущёву удалось — неизвестно только как — восстановить «конверты» для высокопоставленных партчиновников, увеличив размер премиальных и выплатив недополученное за три месяца. Ещё через три недели состоялся Пленум Центрального комитета, и буквально в последние минуты его работы был воссоздан пост Первого секретаря ЦК (до 1934 года — Генерального секретаря), на который, разумеется, избрали Хрущёва. Здесь трудно не увидеть, как партийная номенклатура вознаградила «своего человечка»...

¹ А.И.Микоян. *Так было.* — М.: Вагриус, 1999, гл. 46, с.559.

Жуков подытоживает: «Вот в этом-то возвращении партаппарата к власти и кроется, по моему глубочайшему убеждению, истинный смысл XX съезда. Ну а необходимость скрыть это... вынудила отвлечь внимание от настоящих событий, сосредоточить его на прошлом с помощью закрытого доклада»².

Спору нет, элементы правды содержатся, как в попытках объяснить всё случившееся «борьбой за власть», так и в аргументах «китайской» (антиревизионистской) версии. Но, как представляется, лишь гипотеза Жукова охватывает при рассмотрении все известные факты и одновременно согласуется как с содержанием самого «закрытого доклада», так и с представленными автором доказательствами лживости всех хрущёвских «разоблачений».

Сталин и его сторонники отстаивали план демократизации СССР, одним из ключевых элементов которого должны были стать всеобщие, равные, прямые и тайные выборы с выдвижением не менее 2–3 кандидатов на одно место. План предусматривал такое перераспределение власти в СССР, чтобы места партийных руководителей вроде Хрущёва могли занять компетентные и избранные на альтернативной основе госуправленцы. Но партия тоже осталась бы в выигрыше: освобождение от несвойственных функций заложило бы основы её возрождения как политической организации, объединяющей в своих рядах преданных борцов за коммунизм, а не карьеристов и ненасытных корыстолюбцев. Хрущёв получил поддержку у первых секретарей, которые настроены были саботировать любые попытки таких преобразований и лишь стремились увековечить собственные привилегии.

Современные обозреватели оценивают и внешнюю, и внутреннюю политику Хрущёва как резкое отступление от той, что ранее отождествлялась с именем Сталина. В сущности политические перемены (правда, совсем иные, но в чём-то созвучные с теми, что позднее инициировал или поддерживал Хрущёв) начались сразу после смерти Сталина, когда будущий Первый секретарь ЦК занимал не самое влиятельное положение в Президиуме³. Среди «реформ», шедших вразрез с долголетней политикой Сталина, как правило, называют:

- поворот к рыночно-ориентированной экономике;
- смещение экономических акцентов с тяжёлой промышленности и производства средств производства в сторону товаров народного потребления;
- отход от классической марксистско-ленинской концепции о том, что, пока существует империализм, войны с ним неизбежны; переход в международных делах к политике уклонения любой ценой от прямых вооружённых столкновений с империалистическими державами;
- отречение от признания авангардной роли рабочего класса в социальных революциях ради укрепления союза с другими классами;
- введение в оборот новых тезисов о возможности победы над капитализмом с помощью «мирного соревнования» и о переходе к социализму без революций парламентским путём;
- отрицание сталинского положения о движении к коммунизму через более высокие стадии социализма.

Без коренных перемен в советском обществе и внутри КПСС⁴ Хрущёв никогда бы не смог прийти к власти, задумать и подготовить «закрытый доклад», выступить с ним с

² Ю.Н.Жуков Крутой поворот... назад. См.: *XX съезд. Материалы конференции к 40-летию XX съезда КПСС, 22 февраля 1996 г.* Это единственное выступление на конференции, на которое отреагировал сам Горбачёв, высказав резкое несогласие с докладчиком. См.: http://www.gorby.ru/rubrs.asp?rubr_id=554&art_id=24755.

³ На самом деле следует считать, что т.н. послесталинская «оттепель» началась в последние годы жизни Сталина по меньшей мере в области советской культуры. Эта идея развита в последних работах Вадима Кожина, см.: В.В.Кожин. *Россия. Век XX (1939–1964). (Опыт беспристрастного исследования).* — М.: Алгоритм, 1999, глава «О так называемой оттепели», с.309–344.

⁴ До 1952 года партия носила название Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков) — ВКП(б).

трибуны XX съезда и добиться признания и успеха.

Хрущёв — заговорщик?

В другой своей работе Жуков подчёркивает: похоже, именно первые секретари, возглавляемые Робертом Эйхе, положили начало массовым репрессиям 1937–1938 годов⁵. Хрущёв тоже был первым секретарём и принимал активное участие в проведении крупномасштабных репрессий, в том числе казней десятков тысяч людей.

Большая часть секретарей оказалась на скамье подсудимых и получила расстрельные приговоры. Одни, как, к примеру, Кабаков, были осуждены за участие в заговоре. Другие, как Постышев (по крайней мере на первых порах), обвинялись в массовых необоснованных репрессиях членов партии. Надо полагать, Эйхе входил в ту же самую группировку. Впоследствии многие из секретарей предстали перед судом как руководители собственных заговоров. А Хрущёв не только каким-то чудом избежал обвинений а 1937–1938 годах, но даже получил повышение по партийной линии.

Могло ли быть так, что Хрущёв тоже состоял в заговоре, но как один из соучастников высшего ранга так и остался неразоблачённым? По понятным причинам, представить доказательства этой гипотезы практически невозможно. Однако именно она могла бы наилучшим образом объяснить и логически связать все имеющиеся свидетельства.

«Закрытый доклад» Хрущёва то и дело представляют как подготовительный шаг к реабилитации Бухарина. И действительно, некоторые из подсудимых «бухаринского» процесса 1938 года были реабилитированы вскоре после XX съезда. Поэтому разумно, чтобы Бухарин тоже оказался в их числе. Но получилось иначе. Годы спустя Хрущёв писал в воспоминаниях, что, как ни хотелось ему реабилитировать Бухарина, этим намерениям не суждено было осуществиться из-за противодействия руководителей некоторых зарубежных компартий. Как отмечал Микоян, документ на реабилитацию Бухарина был подготовлен и подписан, но в последний момент Хрущёв пошёл на попятную⁶.

Почему среди подсудимых всех трёх московских показательных процессов Хрущёв особенно настаивал на реабилитации Бухарина? Всё, по-видимому, объясняется стойкой преданностью, какую в сравнении с другими Хрущёв испытывал по отношению к Бухарину. Возможно, речь шла только о приверженности к идеям бухаринизма. Но такое объяснение не единственное.

Начиная с хрущёвских времён, но особенно после проведённой при Горбачёве формальной реабилитации Бухарина в 1988 году его «невиновность» стала считаться сама собой разумеющейся. Но как показано в публикации, подготовленной автором этих строк вместе с коллегой из России, для утверждений такого рода нет достаточных оснований⁷. Имеющиеся свидетельства — лишь малая часть того, чем советские власти располагали в 1930-е годы, — убедительно указывают на Бухарина как на соучастника крупномасштабного антиправительственного заговора.

Предложенный подход подразумевает правдивость показаний Бухарина, с которыми он выступил на процессе 1938 года. Но, как известно, *всю* правду он не сказал и тогда. Как подметил Дж.Гетти, Бухарин категорически отказывался признавать что-либо, но лишь до тех пор, пока показания не стал давать арестованный Тухачевский. Последнее, по-видимому, стало известно Бухарину, и лишь тогда имя маршала появилось в его

⁵ Краткий пересказ и обсуждение гипотезы Жукова вместе с цитатами из его книг и статей изложены мной в работе «Сталин и борьба за демократические реформы» — G.Furr, “Stalin and the Struggle for Democratic Reform”, в: *Cultural Logic*, 2005, см.: <http://clogic.eserver.org/2005/2005.html>.

⁶ Н.С.Хрущёв. *Время. Люди. Власть. (Воспоминания.)* В 4 книгах. Книга 2. Часть III. — М.: Московские новости, 1999, с.192. А.И.Микоян. *Так было.* Гл. 49 «Хрущёв у власти», с.611.

признаниях.

Есть свидетельства, что Бухарин знал имена других заговорщиков, но о некоторых из них не проронил ни слова ни на следствии, ни в суде. По словам Фриновского, среди прочих там фигурировал и Ежов⁸. Всё это выглядит очень правдоподобно, учитывая имеющиеся в нашем распоряжении сведения о Ежове. Мог ли среди известных Бухарину лиц быть Хрущёв? Если да, то только в случае принадлежности последнего к самым высокопоставленным руководителям заговора, а потому наиболее законспирированным.

Из того, что известно сегодня, следует: Хрущёв был одним из организаторов массовых репрессий, — возможно, даже самым крупным из всех за исключением самого Ежова и его подручных, а также, вероятно, Эйхе⁹. Одно из объяснений, по-видимому, кроется в том, что, находясь в должности первого секретаря, Хрущёв в 1937–1938 годах стоял во главе московского городского и областного комитетов ВКП(б), а затем — большевистской организации Украинской ССР. Словом, в обоих случаях ему довелось руководить партийно-хозяйственными делами многонаселённых и исключительных по своему значению регионов. Поскольку заговор созрел внутри самой партии (во всяком случае таковы подозрения об истоках его возникновения), естественно было бы считать, что он пустил крепкие корни именно в Москве, тогда как на Украине его подпитывали националистически ориентированные оппозиционные течения.

В категорической форме Фриновский подчёркивал: цель проводимых им и Ежовым репрессий, — в том числе пыток, фабрикаций лживых показаний, юридически оформленных убийств тысяч невинных людей, — состояла в том, чтобы предстать перед советским руководством преданнейшими из преданных, и таким способом скрыть собственные заговорщические планы. Сценарий, описанный Фриновским, не просто вероятен. Он представляет собой единственную разумную трактовку событий из всех возможных.

Похоже, что Постышев и Эйхе, два первых секретаря, которые обрекли на смерть тысячи невинных жертв, действовали из сходных побуждений, причём по меньшей мере Эйхе участвовал в репрессиях рука об руку с Ежовым. Неужели другие первые секретари не могли действовать таким же образом? Если говорить конкретно о Хрущёве, разве не мог он участвовать в массовых фальсификациях, инсценировках правосудия и казнях, чтобы только скрыть свою истинную роль в событиях 1937–1938 годов?

Что ж, вот два альтернативных объяснения: (1) сотни тысяч репрессированных действительно участвовали в антиправительственном заговоре, или (2) эти люди были уничтожены потому, что «Сталин страдал паранойей». Между тем известные сегодня документы свидетельствуют: именно Сталин пытался обуздать кровавые аппетиты деятелей вроде Хрущёва, требовавших от Центра санкций на увеличение «лимитов» на массовые расстрелы и отправки в ГУЛАГ. И никому, заметим, до сих пор не приходило в голову считать Хрущёва «параноиком»...

Антикоммунисты, троцкисты и приверженцы концепции «тоталитарного» устройства СССР то и дело прибегают к тезису о «паранойе», чтобы дать толкование тем или иным событиям советского прошлого. Увы, такая трактовка ничего не объясняет, а, наоборот, демонстрирует отсутствие сколько-нибудь вразумительных объяснений. Ни о какой «паранойе» не может быть и речи: не Сталин, а другие члены ЦК, в особенности первые секретари, инициировали массовые репрессии и казни.

Фриновский утверждает: Бухарин хотя и знал об участии Ежова в правотроцкистском заговоре, но давать показания о нём на предварительном следствии и на процессе отказался. По словам Фриновского, Бухарин хранил молчание в ответ на обещания Ежова сохранить ему жизнь. Не исключено, что так оно и было. Только следует иметь в виду: такая трактовка отнюдь не прибавляет доверия к Бухарину, который, в конце концов, был старым большевиком, участником революционных событий в Москве в октябре 1917 года.

⁸ Лубянка. *Сталин и НКВД–НКГБ–ГУКР «Смерш». 1939 — март 1946.* — М.: МФД, 2006, с.47.

⁹ Ю.Жуков. «Подлинная история Иосифа Сталина?» // *Литературная газета.* 2007, № 8, 28 февраля.

Революционеры-подпольщики нередко шли на казнь, но не выдавали своих товарищей. Почему бы не допустить, что Бухарин отказался назвать Ежова только по этой причине? Известно, что до суда и ареста Бухарин не сказал «всей правды» *ни в одном* из своих заявлений. И поскольку он не «разоружился», тогда почему бы ему не продолжить борьбу со Сталиным? Бухаринские раболепно-угоднические заверения в преданности и «внутренней привязанности» к Сталину¹⁰ невозможно читать без смущения. Заявления такого пошиба не могут быть искренними, и Сталин едва ли верил им больше, чем мы сегодня.

Мы видели, что Бухарин начал давать признательные показания и указал на Тухачевского лишь *после* того, как тот был арестован и сам признался в участии в заговоре. Если Бухарин положил голову на плаху и (неважно, по каким причинам) отказался выдать своего сообщника (Ежова), можно ли поверить, что он не унёс в могилу имена других заговорщиков?

Нет точных сведений, был ли Хрущёв одним из неразоблачённых конспираторов и знал ли о нём Бухарин. Зато доподлинно известно, что антиправительственное подполье сохранилось в СССР после 1937–1938 годов¹¹, а некоторые из заговорщиков и далее оставались на высоких постах. Ещё мы знаем, что Хрущёв сохранял преданность Бухарину по прошествии двух десятилетий после его казни.

Версия, согласно которой будущий Первый секретарь ЦК долгие годы оставался глубоко законспирированным соучастником разветвлённого правотроцкистского заговора, становится более правдоподобной, если вспомнить о роли Хрущёва в *других* известных заговорах.

- 5 марта 1953 года, когда Сталин был ещё жив, «старая гвардия» из состава бывшего Политбюро инициировала отмену принятого всего полгода назад постановления октябрьского (1952) Пленума об увеличении численности членов Президиума ЦК КПСС и ряд иных перемен фундаментального характера. Все решения были приняты без каких-либо обсуждений и без одобрения со стороны членов Президиума в его полном составе (не говоря уж об отсутствии голосования всех членов ЦК). Власть, таким образом, перешла в руки «коллективного руководства», что фактически означало произошедший в стране *партийно-государственный переворот*.

- Хрущёв был движущей силой заговора с целью отстранения от власти — ареста и, возможно, убийства — Лаврентия Берии. Известно, что первоначально не планировалось брать его под стражу: как следует из проекта (черновика) выступления Маленкова, Берию следовало освободить от должности зампреда Совета министров СССР и министра МВД с одновременным назначением министром нефтяной промышленности.

- Поскольку Хрущёву удалось перекрыть для членов Президиума ЦК доступ к архивным делам, которые использовались комиссиями по реабилитации, мы вправе говорить о тайном соглашении среди тех, кто подпитывал его необходимыми материалами, не допуская к ним никого другого.

Очевидно, что в сговоре участвовал Пospelов, который возглавлял комиссию, созданную по настоянию Хрущёва и по запросу последнего подготовившую нужный ему доклад. Ещё один соучастник заговора — Генеральный прокурор СССР Р.А.Руденко, чья подпись стоит на самых важных реабилитационных справках. Другие члены реабилитационных комиссий плюс следователи и архивисты, принимавшие участие в поиске первоисточников для справок и поспеловского доклада, по-видимому, дали клятвенное обещание молчать и, следовательно, тоже участвовали в заговоре.

Известны лишь некоторые имена тех, кто изучал архивно-следственные материалы, но

¹⁰ Письмо Бухарина к Сталину от 10 декабря 1937 года было опубликовано в один год сразу в *двух* российских журналах. Слова о любви к Сталину разбросаны по всему письму, хотя фраза о «внутренней привязанности» помещена в: «"Прости меня, Коба..." Неизвестное письмо Н.Бухарина» // *Источник*. 1993, № 0, с.24, вторая колонка.

¹¹ См., например: Grigory Tokaev, *Comrade X*. (London: Harvill Press, 1956).

какие-либо дополнительные сведения о самих исследователях практически отсутствуют. К примеру, некий Борис Викторов, по его словам, входил в группу юристов, занимавшуюся реабилитациями. В 1990 году он опубликовал книгу и ряд статей, одна из которых была напечатана 29 апреля 1988 года в «Правде», чтобы в очередной раз поведать о невиновности маршала Тухачевского и других военачальников, осуждённых 11 июня 1937 года.

Не вызывает сомнений, что перед нами одна из мошеннических уловок. Викторов *провозглашает* участников заговора в Красной Армии невиновными, но ничем *не доказывает* свои утверждения. Он цитирует документ сомнительного свойства и оставляет без внимания поистине убийственные свидетельства, с которыми ему, несомненно, удалось познакомиться. Последние стали сейчас известны, однако ещё не были преданы огласке, когда рукописи виковорских сочинений готовились к печати. Тем самым Викторов выдаёт себя как одного из соучастников «заговора» с намерением вооружить Хрущёва фальшивыми доказательствами невиновности лиц, упомянутых в «закрытом докладе».

Общепризнано, что после прихода Хрущёва к власти архивы подверглись тщательной расчистке, в результате чего многие документы были изъяты и, надо полагать, уничтожены.¹² Историки соглашаются: погибшие документы, скорее всего, имели отношение к роли Хрущёва в массовых репрессиях конца 1930-х годов. Поскольку, как теперь очевидно, каждое из утверждений «закрытой» речи не соответствует истине, а реабилитационные справки и доклад Пospelова ничуть не меньше искажают события прошлого, то весьма вероятно, что уничтожению подверглось и множество других документов.

Поистине титаническая работа была проделана с привлечением большого числа архивистов и тех, кто следил за их работой. Думается, масштабы изысканий оказались столь велики, что сил только Руденко и Пospelова явно не хватало. Поэтому к работам привлекался значительный штат архивистов и должностных лиц, включая всецело преданных Хрущёву партчиновников. Естественно, всем им было доподлинно известно, какие именно свидетельства Хрущёв пытался скрыть или уничтожить.

¹² Жупел Сталина. Беседа журналиста Александра Сабова с историком Юрием Жуковым. Часть 3. // *Комсомольская правда*. 2002, 12 ноября; Н.Петров. *Первый председатель КГБ Иван Серов*. — М.: Материк, 2005,

с. 157–162; М.Юнге, Р.Биннер. *Как террор стал «Большим»*. Секретный приказ №00447 и технология его исполнения. — М.: АИРО–XX, 2003, с.16.